

Глава 28

— Что стряслось? — крикнула одна из женщин, прибежавших на шум.

Один из мужчин, утирая пот с лица и стараясь унять дрожь, указал на дом Лю Лайцзы:

— Да паренёк Фан там, внутри! Смертным боем кого-то костыляет!

— Что?! Неужто Лю Лайцзы? Слышите, как орет? Нужно зайти, разнять их, а то ведь до смерти забьет!

— И поделом, — отрезала молодая женщина из толпы. — Меньше будет честных людей изводить.

— Видать, за Чжао-гэра пришел поквитаться, — вставила стоявшая рядом старушка. — Этот ханьцзы покрепче Ма Вэня будет.

Любопытных становилось всё больше, и весть о расправе мгновенно разлетелась по округе.

Чжао-гэр в это время спокойно трудился в огороде. Вдруг во двор, едва переводя дух, ворвался Чжоу-гэр.

— Чжао-гэр! Беда, стряслось непоправимое!

От неожиданности юноша едва не угодил мотыгой себе по ноге.

— Что случилось?

— Фан Цзычэнь... он у Лю Лайцзы! — приятель хватал ртом воздух, не в силах связать и пары слов. — Там... там его чуть не до смерти забили!

В голове у бедняги всё помутилось, земля ушла из-под ног. Собеседник едва успел подхватить его:

— Чжао-гэр, ты чего? Тебе плохо?

— Ты сказал... мой муж... его убивают?

— Да нет же! Лю Лайцзы! Это его убивают!

— А... ну, тогда ладно, — выдохнул он.

Чжоу-гэр лишился дара речи.

«Лю Лайцзы там дух испускает, а он говорит — ладно?!»

«У тебя что, судья в родственниках числится?»

«За убийство-то в тюрьму сажают!»

Когда они добежали до места, истошные вопли в доме как раз стихли. У дома паршивца собралась уже добрая половина деревни. Стоило Чжао-гэру появиться, как толпа расступилась, пропуская его вперед.

— Чжао-гэр, иди скорее, уйми своего мужика! Этот негодяй там выл на все лады, если не остановишь — покойник будет!

Сердце юноши сжалось, и он бросился во двор. В этот момент из дома донесся голос. Собравшиеся снаружи люди замерли, боясь пропустить хоть слово, и в наступившей тишине всё было слышно до предела отчетливо.

— Еще раз посмеешь? — раздался холодный голос.

Чжао-гэр замер. Речь мужа звучала иначе — резко, совершенно незнакомо.

— Н-нет... не посмею, — голос Лю Лайцзы дрожал и свистел. Видимо, лишившись трех зубов, он едва выговаривал слова. — Я вчера... клянусь... я ведь даже не коснулся его!

— Я знаю, что ты его не коснулся. Только поэтому ты еще коптишь небо, — Фан Цзычэнь присел перед ним на корточки и, сохраняя ледяное спокойствие, схватил обидчика за подбородок. — Знаешь, за что я тебя бью?

— За то... что к Чжао-гэру лез...

— Верно.

— Но... но я ведь до него даже не дотронулся!

— За одну только мысль об этом ты заслуживаешь кары, — парень сжал пальцы крепче.

Лю Лайцзы взвыл от боли — ему показалось, что челюсть вот-вот выскочит из суставов. Сверху снова донесся безжалостный голос:

— Чжао-гэр — мой супруг, мой спутник, отец моего сына. Он — человек, которого я признал своим. И я, Фан Цзычэнь, никогда не позволю другим посягать на то, что принадлежит мне. Раз ты посмел об этом подумать — ты должен был сдохнуть.

— Если бы ты вчера хоть пальцем до него дотронулся, я бы отрубал тебе пальцы один за другим. Кто рискнет причинить ему вред — ответит своей жизнью.

Фан Цзычэнь похлопал его по избитой щеке, вынося последнее предупреждение:

— Это в первый и последний раз. Я тебя щажу, но если повторится — перебитые ноги покажутся тебе избавлением. Уяснил?

— Уяснил, уяснил! Всё понял!

Десятки глаз мгновенно устремились на Чжао-гэра. Тот плотно сжал губы и низко опустил голову. Сердце колотилось где-то у самого горла, а в ушах набатом гремели слова мужа.

«Он мой супруг, мой спутник... Кто рискнет причинить ему вред — ответит своей жизнью»

Глаза бедняги обожгло слезами, но он отчаянно старался не заплакать. Чжоу-гэр легонько подтолкнул его локтем и с нескрываемой завистью прошептал:

— Твой ханьцзы... он всегда так говорит?

— Н-нет...

В этот момент Фан Цзычэнь вышел на порог. Дубинка небрежно покоилась на его плечах, а во всем облике сквозила дерзкая удаля. На толпу зевак он даже не взглянул. Низкая калитка преградила ему путь, и он, недолго думая, вышиб её пинком.

Селяне лишь ахнули:

«Чем тебе калитка-то не угодила? Зашел — пнул, вышел — пнул. Бедная дверь...»

Чжао-гэр же подумал:

«С таким норовом он и сам на Лю Лайцзы смахивает, только пострашнее будет»

Увидев супруга, молодой человек тут же опустил дубинку. На его лице отразилось минутное замешательство:

— Чжао-гэр? Ты что здесь делаешь?

Юноша уже взял себя в руки:

— Пришел позвать тебя домой, лапша стынет.

Он внимательно осмотрел мужа — ни царапины, одежда в полном порядке, будто тот не в драку ввязывался, а просто вышел на прогулку. И всё же он не удержался от вопроса:

— Ты в порядке? Не ранен?

— Да что со мной станется?

Он хотел было приобнять супруга за плечо, но, вспомнив о толпе свидетелей, вовремя одернул руку. Наклонившись к самому уху Чжао-гэра, он прошептал:

— В этой деревне мне равных нет, так что не переживай!

Тот неуверенно произнес:

— На самом деле тебе не стоило этого делать. Я бы просто стал осторожнее впредь...

— Вор может караулить годами, но нельзя годами сидеть взаперти, — отмахнулся Фан Цзычэнь. — Я проучил его так, что теперь он при одном виде твоем в штаны наложит. Пусть и думать забудет в твою сторону смотреть.

Не успел он договорить, как к ним, запыхавшись, подбежал староста в сопровождении нескольких мужчин:

— Паренёк Фан! Ты... ты что, опять за старое? Снова драку затеял?

Молодой человек поморщился. «Опять?» Звучит так, будто он только и делает, что ищет, кому бы кулаки почесать.

— «Драка» — слово неподходящее, — возразил он. — Скажем так, я провел воспитательную беседу.

— Вечно ты на всё найдешь ответ!

— Ну хорошо, пусть будет драка, если вам так угодно, — тот лишь пожал плечами. — Вы зачем пришли-то? Если за меня беспокоитесь — так идите себе с миром. А если за Лю Лайцзы заступаться вздумали — тем более уходите. Человек он гнилой, и я лишь сделал то, о чем мечтали все женщины и гэры нашей деревни. Так что винить меня не в чем.

Староста замялся:

— Но ведь нельзя же так... чуть что — сразу в бой.

Не успел Фан Цзычэнь вставить слово, как вмешалась пришедшая со старостой Хэ Ин:

— Вот именно! Нужно всегда миром дело решать, по справедливости. А не с палкой на людей бросаться.

Староста помрачнел. Фан Цзычэнь не спешил с ответом. При виде тётушки Хэ в нем всегда поднималась глухая досада. Впервые в жизни он батрачил в поле, а в награду за половину дня труда получил несколько гнилых клубней. Она нагло обвела его вокруг пальца. И хотя он сам тогда согласился, видеть её было противно.

Голос его стал резким:

— По справедливости? По какой такой справедливости? Раз вы такая любительница нравоучений, что же вы до сих пор в Сяхэ прозябаете? Шли бы в мир людей, наставляли бы заблудшие души.

Собеседница поперхнулась словами:

— Я...

— Что «я»? Легко рассуждать, когда тебя не касается. У вас ведь есть дочери, есть гэры? Вот когда Лю Лайцзы полезет к вашей дочери, а вы в ответ станете ему лекции о морали читать —

тогда и приходите ко мне толковать, идет? — он и не думал церемониться. — Раз дело вас не касается, нечего и святошу из себя строить.

Ван Дамэй, не зная о прежних трениях между ними, решила, что парень просто невзлюбил её золовку. Видя, как Хэ Ин покраснела от негодования, она попыталась вмешаться:

— Паренёк Фан, твоя тётушка вовсе не то имела в виду. Ты просто её не так понял.

— Не так понял? Это она не умеет говорить или я — понимать?

Ван Дамэй неловко улыбнулась:

— Просто тётушка Хэ порой говорит, не подумав.

— В таком случае лучше бы ей помалкивать.

Фан Цзычэнь махнул супругу:

— Идем. Домой пора, обедать.

<http://bllate.org/book/15357/1421996>